

РЕПОРТАЖ

ПОД КРЫЛОМ БЕЛОЙ ЧАЙКИ

Премьерой комедии М. Рошнина «Перламутровая Зинаида» начнется первый после реконструкции сезон Московского Художественного

Академического театра имени Горького на старой, любимой московской сцене в проезде Художественного театра.

Я прохожу по недавно открытому после реконструкции МХАТу, еще пахнущему краской, еще совсем необжитому. Где я могла видеть эти узоры на потолках, эти приглушенные тона? На память приходят книги, рисунки, описания работ Федора Шехтеля, сделавшего в начале века этот храм искусства из маленького Лянозовского театра.

Архитектор любил и понимал театр и создавал для него здание загадочное, оказавшись за дверями которого, зритель попадал в необычайную атмосферу. Казалось, исчезала Москва с ее шумными улицами и магазинами, замолкала многоголосая толпа на Тверской и в Камергерском переулке, не было больше дневных забот и переживаний. Оставалась только эта полусумрачная тишина, умиротворяющее спокойствие черного дерева нижнего фойе, оливковые и сиреневые тона стен, скромные изящные узоры потолков. Все было строго и напыленно ожиданием предстоящего чуда. Попадая сюда из

московского шумного ада, пройдя тихое чистилище театральных кулуаров, зритель попадал в Рай Искусства. В буйство красок, в мир волшебства, где тона были сочными и густыми, страсти — глубокими и прекрасными, актеры — талантливыми и искренними.

Шехтель создал два мира: мир фойе, с величайшим вкусом отделав интерьер театра, и мир сцены, проведя сложную реконструкцию и позволив тем самым использовать все тогдашние технические новшества. Это превратило Художественный театр в излюбленное место москвичей.

Но беспощадное время не щадит ни людей, ни здания. Ушли из жизни многие прекрасные актеры, обветшал и сам театр. Новые зрители приходили сюда смотреть новые спектакли. А на стенах появлялись совсем другие, не похожие на шехтелевские, краски и узоры, изменились главное фойе и боковой кулуар. Не выполнялось больше требование создателей театра, «чтобы не было допущено ни одного яркого или зо-

лотого пятна», чтобы «прибегать к эффекту ярких красок исключительно для декораций». Неумолимо исчезал дух старого МХАТа.

И вот в 1974 году было принято решение провести реконструкцию и реставрацию здания театра. А в 1977 году на его сцене шел последний спектакль. Потом здание оделось в леса, и театралы только из газет могли узнавать, что происходит там.

Когда еще реконструкция шла полным ходом, руководитель проектных работ Всеволод Михайлович Виноградов рассказал мне о том, как все начиналось.

— Нам предстояло проделать сложнейшую работу: воссоздать облик старого театра, сохранить его стилистику, интерьеры, отдельные архитектурные детали, росписи, но в то же время — создать современный сценический и репетиционный комплекс, оснастить здание новейшим оборудованием, улучшить условия для зрителей и актеров. Из тех, кто начинал работу, сейчас оста-

лись только двое: архитектор Саломея Максимовна Гельфер и я. Помню, как нелегко нам было. Приходилось по крупицам собирать сведения о первоначальном облике театра: в Театральной библиотеке, Бахрушинском музее, в Музее русской архитектуры. Прорывались абсолютно все: от планировки проезда Художественного театра до крючков в гардеробе.

За десять лет МХАТ изменился до неузнаваемости. Возведены новые постройки, обновлены слабые участки стен, заменена крыша зрительного зала. Сцена передвинута в глубь квартала и оборудована новейшими системами. Сделаны аппаратная управления, звуковая ложа, светопроекционная. Перенесен кассовый вестибюль. Первый этаж, выполненный в шехтелевском духе, стал просторным и удобным. Здесь теперь размещаются три больших гардероба для зрителей. Полностью перестроены гримуборные, репетиционные залы. Создан малый зал.

Теперь МХАТ — это не просто театр, а целый комплекс. Соединенный с соседними зданиями, он превратился в единый организм, ку-

да вошли также школа-студия и музей МХАТа. Здесь, рядом с кабинетом В. И. Немировича-Данченко, располагается полностью воссозданная гримуборная К. С. Станиславского. Перед спектаклем зрители смогут увидеть эти комнаты, где рождались прекрасные замыслы основателей театра. А потом, пройдя по переходу из основного здания, ознакомится с экспозицией музея.

Что особенно дорого любителям искусства — это интерьер театра. Конечно, он не полностью повторяет шехтелевский оригинал (время вносит свои коррективы), но сюда, в эти стены, снова возвращается дух старого МХАТа. Кажется, спустятся сейчас Станиславский и Немирович-Данченко, пройдут по этим неярко освещенным лестницам, погрузятся в сиреневатое марево, словно окутавшее фойе и кулуары, присядут на темные скамьи. А потом войдут в такой знакомый им зрительный зал. И спустя 86 лет, как в первый раз, взмахнет крыльями белая чайка на занавесе, и на сцене начнется волшебное действо.